

стве, что указывает на внепартийный и внеидеологический характер гражданских акций. Разумеется, результаты он-лайн опроса не репрезентативны, но они позволяют зафиксировать некоторые качественные характеристики участников гражданских акций.

Дискурс гражданских прав и свобод актуализировали в ходе кампании гражданского неповиновения представители самых разных профессиональных групп. Так, 11–12 июня 2013 г. в стране прошли многочисленные акции адвокатов у дворцов правосудия в Анкаре, Стамбуле, Газиантепе и Конье, которые обвиняли официальные власти в нарушении международных конвенций, касающихся гражданских прав и свобод. При этом в ходе разгона акций турецкая полиция задержала десятки адвокатов, представляющих элитарную и вестернизированную часть турецкого общества, с которыми потом были проведены следственные мероприятия. Однодневная национальная забастовка 17 июня 2013 г. под лозунгом солидарности с протестующими на площади Таксим в Стамбуле и требованиями соблюдения правительством гражданских прав и свобод была организована и проведена двумя ведущими профсоюзными объединениями Турции – KESK (Конфедерация профсоюзов государственных служащих, в которой состоят около 240 тыс. чел.) и DISK (Конфедерацией прогрессивных профсоюзов, насчитывающей более 300 тыс. чел.), к которым присоединились еще три немногочисленных профсоюза, представляющих интересы турецких медиков, инженеров и стоматологов.

Социальной основой для расширения гражданских прав и свобод, в том числе свободы слова и самовыражения, рассматриваемых в качестве постматериальных ценностей, является сформировавшийся в стране за последние несколько десятилетий новый средний класс. Его типичные представители – хорошо образованные и достаточно обеспеченные молодые люди, компетентные в современных средствах коммуникации, постоянно использующие

социальные сети, не причисляющие себя к сторонникам традиционных политических акторов Турции. Их жизненные идеалы не коррелируют с доминирующими религиозно-консервативными идеологическими установками, клерикальными представлениями о нравственности и установившимся в стране политическим раскладом, что актуализирует необходимость определенных изменений в политической системе в ближайшей перспективе посредством демократических легитимных электоральных процедур.

Таким образом, кампания гражданского неповиновения в Турции (май – июль 2013 г.) продемонстрировала актуализацию постматериальных ценностей как фактора развития политического процесса в стране определенными социальными группами, выявила тенденции дальнейшей демократизации политической системы и плюрализации идеологического пространства современного турецкого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
3. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас; – пер. с нем. Ю.С. Медведева; под ред. Д.А. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
4. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 379 с.
5. Türkiye'nin dindarlığı bu kitapta. Türkiye'nin tanınmış sosyologlarından Bahattin Akşit başkanlığındaki bir ekip ülkemizin dindarlığının fotoğrafını çekti. Режим доступа: <http://sanat.bugun.com.tr/turkiye-nin-dindarligi-bu-kitapta-haberi-207998>. – Дата доступа: 21.04.2013.
6. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.

SUMMARY

The article considers the role of post-material values in the political process in modern Turkey on the example of development of the events around Gezi Park in Istanbul.

Поступила в редакцию 04.07.2013 г.

УДК 321.8

И.Ю. Чайка,

докторант Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (г. Киев)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В исследованиях природы глобализационных процессов, их формальных и содержательных признаков, влияния на изменение структурных характеристик совре-

менных обществ как целостных социальных систем высокого уровня организации большинство исследователей и ученых являются солидарными в том, что дефиниция «глобализа-

ция» не может быть сформулирована однозначно. Несмотря на то, что само представление о ее характерных проявлениях имеет давние истоки, существование глобализации как целостного феномена является продуктом новейшей эпохи. Однако на уровне отдельных элементов «глобализационных протофеноменов» глобализация стала частью социальной реальности несколько тысячелетий тому назад.

Ф. Бродель в третьей части своего самого известного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.» рассматривает глобализацию как явление, которое берет начало из XV ст. и замечает, что «ничего бы не стало возможным без своеобразной деятельности мирового рынка, которая будто расчищала путь» [2]. Большинство исследователей, разделяя взгляды Ф. Броделя, относит начало «глобализационного взрыва» к XV–XVI ст. (от 1500 до 1800 г.). В частности, здесь стоит вспомнить американского политолога и экономиста Р. Робертсона, по мнению которого история глобализации начинается с XV ст. и включает 5 периодов: фаза зарождения – XV – середина XVIII ст.; первичная фаза – середина XVIII ст. – до 1870 г.; фаза приспособления – 70-е гг. XIX – середина 20-х гг. XX ст.; фаза борьбы за гегемонию – середина 20-х гг. – конец 60-х гг. XX ст.; фаза неопределенности – 60–90-е гг. XX ст. [13, с. 57–60].

С конца 60-х гг. XX в. глобализация становится преобладающей тенденцией в мировом развитии. Как отмечают западные философы, «мир вступил в фазу глобальной неопределенности». Однако существуют и сторонники достаточно радикальных концепций относительно предопределенности человеческого развития в русле глобализации, что позволяет их авторам говорить о том, что начало глобализации стоит относить, например, к пятому тысячелетию до нашей эры (А.Г. Франк) [15].

Аналогичной точки зрения придерживается русский исследователь М. Чешков, по мнению которого глобализация имеет следующие этапы: праистория глобализации (протоглобализация) – от неолитической революции до Осевого времени; предыстория глобализации (зарождение глобальной общности) – от Осевого времени до эпохи Просвещения и первой промышленной революции; собственная история глобализации (формирование глобальной общности) – последние 200 лет. Отмечая, что глобальное сообщество, как таковое, сформировалось в последние 200 лет, ученый все же доказывает, что в течение последних двух десятилетий глобализация, особенно экономическая, происходила чрезвычайно интенсивно [5].

Идеи относительно тысячелетней истории глобализации имеют определено рациональное зерно, поскольку одним из возможных под-

ходов к толкованию исторического развития человечества в его целостности может быть представление этого процесса в виде циклических процессов «расхождения – схождения», «интеграции – дезинтеграции». Они сопровождаются изменением характеристик человеческого сообщества, основывающихся на базовом принципе, положенном в основу его существования.

Рассмотрим ранние этапы развития человека. Согласно данным палеоантропологии, первые люди, которые относились к роду *Homo*, хотя, конечно, еще не приобрели характеристики *sapiens*, компактно проживали на территории современной Африки. В этом смысле они представляли собой биологическую видовую целостность, владея более развитым интеллектом и образуя более сложную социальную организацию, что позволяло отличать их от животных.

Вопрос о времени возникновения локальных расхождений в культуре до сих пор не решен наукой, вокруг него не утихают острые споры, но уже материальная культура среднего палеолита проявляется в большой разнообразности форм и дает примеры отдельных уникальных памятников, которые не находят сколько-нибудь близких аналогий. Материальная культура в ходе расселения человека по земной поверхности перестала развиваться единым потоком. Культурное разнообразие человечества в ходе заселения ойкумены стало еще значительнее, чем его биологическое разнообразие. Таким образом, именно на грани неолита эволюционное задание человечества из экстенсивного захвата территории Земли, что не могло состояться без разрушения территориальной целостности ареала рода *Homo*, было выполнено.

В этом контексте, обращаясь к концепции М. Чешкова, можно выделить этапы становления глобального единства мирового сообщества и, соответственно, специфику интегративных характеристик человечества на каждом из этих этапов. Согласно М. Чешкову, предыстория глобализации начинается с эпохи Осевого времени, включает эпоху Просвещения, и завершается первой промышленной революцией. Отметим, что, по нашему мнению, важной вехой этого этапа является эпоха Великих географических открытий.

Концепция Осевого времени была предложена К. Ясперсом [7, с. 32–50], который разработал ее для характеристики исторических процессов, происходивших между 800 и 200 гг. до н. э. По его мнению, случился кардинальный поворот в истории, и появился человек того типа, который существует и сегодня. Определяющими для своеобразия Осевого времени, по К. Ясперсу, является исчезновение великих

культур древности, существовавших на протяжении тысячелетий и предшествовавших Осевому времени, прежде всего тех, которые возникли в Египте, Месопотамии, долинах Инда и Хуанхэ. Осевое время растворяет их в себе, дает им погибнуть, независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы.

Древние культуры сохраняют свое существование лишь в тех своих элементах, которые вошли в Осевое время, но все, даже самое великое, созданное до Осевого времени, воспринимается как что-то дремотное, то, что не проснулось, поскольку человек тех времен еще не достиг настоящего самосознания. Тем новым, что обусловило самобытность Осевого времени и возникло в трех больших культурных регионах – Китае, Индии и на Западе (куда К. Ясперс, кроме Европы, относит и культуры Передней Азии), – как раз и было осознание человеком бытия в целом, самого себя и своих пределов путем рефлексии и познания абсолютности в глубинах самосознания и ясности трансцендентного мира. Именно в эту эпоху, считал философ, были разработаны основные категории, которыми мы мыслим и в настоящее время, заложены фундаменты мировых и других философских и религиозных учений, что дошли сквозь тысячелетие до нашего времени: в Китае – учение Конфуция, Лаоцзи, Моцзи, Чжуанцзи, Лецзи и др.; в Индии – Упанишады, буддизм; в Иране – зороастризм; в Палестине – пророчества Илии, Исаи, Иеремии; в Греции – духовный порыв от Гомера до Аристотеля.

Следовательно, Осевое время способствует трансформации человека в личность современного типа, важное значение в бытии которой имеет рефлексивная способность, ведущая к образованию самосознания, и представляющая собой динамическую биопсихосоциальную систему, способную к развитию. Именно впервые образованная личностная целостность определяет общность человечества на этом этапе.

Второй исторический период, который имеет большое значение в контексте нашего исследования, – эпоха Великих географических открытий, это время обнаружения европейскими мореплавателями неизвестных ранее морей и океанов, островов и континентов, осуществления первого кругосветного морского путешествия, колонизации заморских территорий (конец XV – середина XVII ст.). Новые географические открытия обуславливались в первую очередь бурным развитием производительных сил, стремлением европейцев удовлетворить растущие потребности в драгоценных металлах и пряностях, соответственно, поисками морских путей в Китай и Индию. Великие географические открытия стали возможными

благодаря значительному прогрессу в развитии науки и техники.

Следующей важной вехой можно считать эпоху Просвещения, идеологи которой предложили идею общественного прогресса, осуществляемого благодаря увеличению удельной массы знания, роста уровня образованности и цивилизованности. По мнению просветителей, интеллектуальный рост неминуемо должен был приводить к увеличению уровня нравственности человечества, гуманизации общественных отношений. Конечно, надежды авторов просветительского проекта не выдержали испытание общественной практикой: развитие науки в течение следующих за XVIII ст. веков ознаменовалось осуществлением значительного количества открытий, использование которых не выдерживало никакой этической экспертизы (начиная от динамита и заканчивая обогащенным ураном). Однако именно эпоха Просвещения актуализировала общность научного знания как важный принцип единства человечества.

Завершающей вехой предыстории глобализации является первая промышленная революция. Промышленная революция или промышленный переворот – переход от ручного, ремесленно-мануфактурного к большому машинному фабрично-заводскому производству, который начался в Англии во второй половине XVIII ст. и на протяжении XIX ст. распространился на другие страны Европы, США и Японию. Важной составляющей промышленной революции было внедрение в производство и транспорт рабочих машин и механизмов, которые заменили ручной труд людей; создание самостоятельной машиностроительной отрасли. Первая промышленная революция, начавшаяся в XVIII в., слилась с так называемой второй промышленной революцией в 1850 г., когда технологический и экономический прогресс набрали обороты и благодаря развитию паровых кораблей, железных дорог, а в XIX ст., двигателя внутреннего сгорания и электрической энергии. Определение периода времени, который охватывается промышленной революцией, в работах разных историков колеблется. Е. Хобсбаум считал, что она вспыхнула в Великобритании в 1780-х гг. и не была в полной мере ощутимой к 1830-м или 1840-м гг. [10], а Т. Эштон доказывал, что это случилось приблизительно между 1760 и 1830 гг. [11].

Первая половина XX ст. ознаменовалась большими потрясениями. Грандиозные достижения (конец XIX – начало XX в.) в научно-технической отрасли не отвечали уровню развития общественного сознания. Отсутствие понимания вызывало ошибки относительно воплощения достижений и реализации новых, до сих пор невиданных возможностей. След-

ствием отмеченного несоответствия стал избыточный рост военно-политической активности ведущих стран Европы и мира. Объединение стран и создание политических и военных союзов первой половины XX ст. носило ситуативный характер. Это нашло отражение в том, что целый ряд европейских государств стал претендовать на мировое лидерство и формировать группы и союзы, опираясь в некоторых случаях на очевидно иррациональные основания интеграции. Великобритания, Франция, Германия, Россия, Австро-Венгрия стали активно формировать круг сателлитов и партнеров. Главная идея отмеченных объединительных процессов – не расширение поля сотрудничества, а вытеснение конкурентов. Фоновым, но важным элементом обострения социальных и экономических проблем стал рост революционного движения, обострение внутривнутриполитических проблем и противостояния элит. Таким образом, в первой четверти XX ст. основным интегративным принципом стал военно-политический.

В состоянии избыточной внутренней и внешнеполитической конфронтации мир подошел к Первой мировой войне. Именно она и ее последствия стали отправным моментом формирования нового мироустройства. Однако выводы по результатам Первой мировой войны и самой масштабной революционной волны, сделанные государствами, которые претендовали на мировое лидерство, оказались ошибочными. Вместо оживления интеграционных процессов и приведения экономики континента к определенному общему уровню, была реализована стратегия политической и социально-экономической дискредитации, эксплуатации номинально побежденных стран.

Международные институты, образца Лиги Наций, не обладали реальной властью и не имели возможности, а в большинстве случаев и желания не допустить межгосударственной конфронтации, урегулировать политические конфликты и избежать новой глобальной политической, общественной и духовной трагедии. События середины 30-х гг. XX ст. фактически стали зеркальным воссозданием событий начала XX в., но в измерении новых политических реалий и еще более агрессивного поведения элиты и определенных слоев общества стран Европы. Во Вторую мировую войну вступили государства, общества которых были интегрированы на основании политических идеологий: фашистской, коммунистической, либеральной. Именно идеологическая общность определила формирование агрессорского военного блока.

Последствия войны актуализировали проблему поиска послевоенного компромисса, чтобы не допустить самоуничтожения челове-

чества. Во избежание нового цикла конфронтации государства-победители вынуждены были позаботиться о судьбе не только собственных обществ, но и о будущем побежденных. Стало понятно, что интеграция является не поглощением более слабого более сильным, не выживанием одного за счет другого, а общим путем к единой цели.

По окончании Второй мировой войны в Западной Европе активизировались международные контакты в хозяйственной сфере, вызванные потребностью возрождения национальных экономик. Этим целям отвечал предложенный США в 1947 г. «план Маршалла», мероприятия которого предусматривали экономическое возрождение европейских государств. Его реализация дала возможность Европе модернизировать промышленность и начать техническую экспансию.

В сентябре 1946 г. У. Черчилль, выступая в Цюрихе, предложил создать федерацию Соединенных Штатов Европы, основу которой составляла бы ось Париж–Бонн, то есть союз Франции и Германии. Он заявил: «Я верю в то, что европейские нации образуют единый фронт, единый монолитный блок под эгидой европейского совета. Я связываю свои надежды с Соединенными Штатами Европы» [3; 9]. По инициативе У. Черчилля в Лондоне была создана ассоциация «Объединенная Европа». В июле в 1947 г. аналогичная ассоциация была создана во Франции, а в декабре в 1947 г. упомянутые ассоциации объединились с бельгийской лигой «Европейского сотрудничества», Союзом европейских федералистов и с Социалистическим движением за создание Соединенных Штатов Европы. В мае 1948 г. в Гааге был созван I Европейский Конгресс, на котором были представлены организации, выступавшие за объединение стран Западной Европы.

Практические преобразования, которые определили формирование впоследствии Европейского союза (ЕС) в его современном виде, были связаны с экономическим сотрудничеством, заложившем фундамент и правовой, и политической системы ЕС. В 1951 г. возникла Европейская организация угля и стали (ЕОУС), а в 1957 г. подписаны Римские договоры о создании Евроатома и Европейского экономического содружества (ЕЭС), в которое вошли Бельгия, Франция, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды. Все эти организации образовали впоследствии Европейские сообщества, преобразованные в 1993 г. в Европейский Союз (ЕС).

В XXI ст. начался новый этап евроинтеграции, который связывают с внедрением единой денежной единицы (евро) и развитием информационных технологий. Свободный обмен информацией открывает новые перспективы

«электронной Европы», приоритетами которой являются образование, повышение квалификации, электронная торговля. «Искать каждый раз дальше, и создавать столько рисков, сколько решишь новых проблем, такой является, – считает Д. де Ружмон, – настоящая формула Прогресса в ее западном определении» [4, с. 87].

Вместе с евроинтеграционными процессами, которые демонстрируют стремление к управляемой глобализации, с возобновлением партнерских взаимоотношений Европы с другими регионами мира, в 40-х гг. XX в. американцы предложили свой вариант глобализации. США приложили немало усилий для ослабления европейского доминирования в современном мире, чтобы принять роль лидера в процессах глобализации. В 90-х гг. XX ст. Америка превратилась в глобальную силовую структуру, которая стимулирует и развивает интеграционные тенденции. Однако эксперты доклада «Глобальные изменения мира – 2025» утверждают, что до 2025 г. международная система станет глобальной и многополюсной. США постепенно будут терять свою активную позицию ведущей державы мира. Уже до 2025 г. Китай станет второй по величине экономикой мира. Благодаря экономическому росту Индия также будет претендовать на статус еще одного полюса в новом многополюсном мироустройстве.

Поскольку глобализация в значительной мере способствует вестернизации, то возникает ряд вопросов, связанных с сущностью модернизации. По этому поводу сформировались две основные точки зрения. Первая из них заключается в том, что глобализация – процесс более обширный, чем вестернизация, и в практическом отношении равнозначный модернизации. Этот тезис обосновывают такие исследователи, как А. Гидденс, Г. Робертсон, М. Олброу [12]. Их противники считают, что глобализация является глобальной диффузией западного модернизма, который реализуется в виде расширенной вестернизации и распространении институтов западного капитализма. Эту точку зрения разделяет С. Хемелинк. Идеологами критики модернизма выступили Д. Аптер, Дж. Нетл, Н. Смелзер, А. Голдторп [8–9; 14].

Согласно этому подходу, мир представляет собой намного более сложную картину, в которой лидеры индустриального развития противостоят государствам, недавно вступивших на путь прогресса, и взгляды тех, кто ищет собственный путь прогресса, часто не совпадают с модернизмом.

Один из основоположников социологии глобализации У. Бек, четко размежевав, с одной стороны, глобализм, а с другой – глобальность и глобализацию, понимает под глобализмом идеологию господства мирового рынка, идеологию неолиберализма. Глобализация рассма-

тривается как комплекс процессов, приводящих к формированию глобальности, процессов, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных актеров и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности. В отличие от понятия «глобальности» глобализация является диалектическим процессом, который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. Таким образом, под глобализацией автор понимает наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства. Глобальностью же У. Бек называет то, что мир давно уже живет в мировом обществе, а представления о замкнутых пространствах превратились в фикцию [1, с. 21–29]. У. Бек склонен рассматривать симптомы глобальности как симптомы современности, которые отличают ее (современность) от предыдущих эпох. Только при условии многомерной глобальности принудительная идеология глобализма неосуществима.

Другой западный автор Р. Штихве рассматривает глобализацию как процесс, который ведет к формированию мирового общества. Автор выделяет три базовых институциональных изобретения (инновации), которые сделали возможным этот процесс. Во-первых, это функциональная дифференциация, аналогичная глобальному разделению труда у И. Валлерстайна. Во-вторых, создание мобильных организаций, которые ведут международную деятельность (от иезуитов в XVII в. до современных международных неправительственных организаций). В-третьих, коммуникативная техника, которая позволяет людям и культурам общаться (от изобретения книгопечатания до Интернета и глобального телевидения) [6, с. 67–77].

Несмотря на достаточно противоречивые последствия глобализации, связанные преимущественно с ее модернизационными и вестернизационными проявлениями, важным результатом ее является формирование предпосылок для перехода к информационному обществу как закономерному историческому этапу развития человечества. Мировой опыт показывает, что каждая страна движется к информационному обществу своим путем, определяемым сложившимися политическими, социально-экономическими и культурными условиями. В последнее десятилетие XX в. информационно-коммуникационные технологии стали одним из важнейших факторов, которые влияют на развитие общества. Их революционное действие касается государственных структур и институтов гражданского общества, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и стиля жизни людей.

Таким образом, современный этап глобализации является результатом предыдущих про-тоглобализационных периодов. Их смыслом было формирование новой целостности человечества, которая не основывалась бы на биологическом основании видовой идентичности, а опиралась бы на свойства человека как единственного существа, наделенного сознанием. Сегодня глобализация как форма интеграции, в отличие от предыдущих этапов развития человечества, основывается преимущественно не на религиозном, военном или политическом, а на информационном принципе. Эффективной формой социальной организации человечества в эпоху глобализации является информационное общество. Можно предположить, что результатом завершения очередного интеграционного цикла, знаменующего объединение человечества на принципах информационного единства, станет следующее разветвление путей развития человеческого рода. И, возможно, оно будет связано с расширением ойкумены за пределы нашей планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
2. Бродель, Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVIII ст.: у 3 т. Т. 3. Ігри обміну / Ф. Бродель; пер. з фр. Г. Філіпчук. – К.: Основи, 1997. – 585 с.
3. Ильин, Ю.Д. Лекции по истории и праву Европейского Союза / Ю.Д. Ильин. – М.: Спарк, 2002. – 115 с.
4. Ружмон, Д. Європа у грі. Шанс Європи. Відкритий лист до європейців / Д. Ружмон. – Львів: Літопис, 1998. – 280 с.
5. Чешков, М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата / М.А. Чешков. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 224 с.
6. Штихве, Р. К генезису мирового общества – инновации и механизмы / Р. Штихве // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 3. – Т. II. – С. 67–77.

7. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1991. – 527 с.
8. Apter, D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization / D. Apter. – N. J.: Prentice Hall, 1968. – 380 p.
9. Goldthorpe, J. Theories of Industrial Society: reflections on the recrudescence of historicism and the future of futurology / J. Goldthorpe // European Journal of Sociology. – 1971. – № 12. – P. 263–288.
10. Hobsbawm, E. The Age of Revolution: Europe 1789–1848 / E. Hobsbawm. – New-York: Vintage Book, 1963. – 356 p.
11. Inikori, Joseph E. Africans and the Industrial Revolution in England / E. Joseph. Inikori. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 576 p.
12. Nettl, J.P. International Systems and the Modernization of Societies / J.P. Nettl, R. Robertson. – London: Faber and Faber, 1968. – 216 p.
13. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London: Sage, 1992. – 211 p.
14. Smelser, N.J. The Handbook of Economic Sociology / N.J. Smelser, R. Swedberg. – N J: Princeton University Press, 2005. – 725 p.
15. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? / Ed. by A.G. Frank and B. Gills. – London: Routledge, 1994. – 320 p.

SUMMARY

The current state of the globalization problem study does not make it possible to give an unambiguous definition of this notion. Although certain understanding of most characteristic features of globalization has been developed throughout the history of the mankind, the existence of globalization as an integral phenomenon is a product of the contemporary history. Along with this, distinguishing proto-globalization phenomena opens great opportunities for periodizing globalization. One of the possible approaches to solving this problem is analyzing the current globalization stage as a result of the previous cyclic processes of the mankind «integration-disintegration» which fostered the formation of the mankind unity based not on the principle of biological identity but on the properties of a person as a conscious being. In contrast to past stages of the mankind development, present-day globalization as a form of integration is mainly based not on the religious, military or political principles, but on the informational one.

Поступила в редакцию 14.06.2013 г.

УДК 32.001(72)

Г.В. Корзенко,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
политологии и права БГПУ;

А.П. Мельников,
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии БГУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЕКСИКИ

Политическая культура является одним из важнейших элементов политической жизни общества. Отражая уровень политического и правового сознания граждан, общественных и политических деятелей и их политическое поведение, политическая культура оказывает большое влияние на деятельность политических институтов, политической

системы в целом. Иными словами, без соответствующего уровня политической культуры невозможна полноценная жизнь гражданского общества, цивилизованные отношения государств на международной арене.

Политическая культура – это довольно сложное образование. Она охватывает все параметры и проявления активности субъектов